

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ЦЕНТР КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

ЯЗЫК И МЫСЛЬ: СОВРЕМЕННАЯ КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 80/81

ББК 81

Я 41

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»

Рецензенты:

член-корр. РАН, д-р психол. н. Б. М. Величковский

член-корр. РАН, д-р филол. н. В. А. Виноградов

Я 41

Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика /
Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев; ред. А. А. Кибрик, А. Д. Ко-
шелев, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова. — М.:
Языки славянской культуры, 2015. — 848 с., ил. — (Вклейка по-
сле с. 368). — (Разумное поведение и язык. Language and Reason-
ing).

ISBN 978-5-9906039-9-8

Международный коллектив авторов сборника, впервые со-
бравшийся в таком составе, представляет панораму современной
когнитивной лингвистики. Когнитивная лингвистика понимается
максимально широко — как исследование любого аспекта языка в
связи с познавательными процессами человека. Сборник состоит
из трех разделов. В статьях первого раздела обсуждается общая
архитектура языка в когнитивной перспективе. Два последующих
раздела посвящены двум основным режимам существования язы-
ка — язык как хранилище и язык как коммуникативный процесс.
Книга будет полезна не только специалистам — лингвистам, пси-
хологам, исследователям в области искусственного интеллекта, —
но и широкому кругу читателей, интересующихся строением язы-
ка, его эволюцией, процессами познания, мышления и речевой
коммуникации.

УДК 80/81

ББК 81

Language and thought: Contemporary cognitive linguistics / Compiled by
A. A. Kibrik and A. D. Koshelev. Ed. by A. A. Kibrik, A. D. Koshelev,
A. V. Kravchenko, Ju. V. Mazurova, and O. V. Fedorova. — Moscow: Lan-
guages of Slavic Culture, 2015. — 848 pp. — (“Language and Reasoning” se-
ries).

В оформлении переплета использованы картина Рембрандта Харменса ван Рейна
«Корнелис Клаус Асло в разговоре с женой»
и фрагмент картины Сандро Боттичелли «Мадонна дель Магнификат»

© Авторы, переводчики, 2015

© Кибрик А. А., Кошелев А. Д., сост., 2015

© Языки славянской культуры,

оформление, оригинал-макет, 2015

ISBN 978-5-9906039-9-8

СОДЕРЖАНИЕ

Volume abstract	7
Table of contents (with chapter abstracts).	7
От составителей: когнитивная лингвистика — в поисках единства	21

I. ОБЩЕЕ. ЭВОЛЮЦИЯ. ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

<i>А. Е. Кибрик.</i> Когнитивный подход к языку	29
<i>У. Чейф.</i> На пути к лингвистике, основанной на мышлении.	60
<i>Т. Гивон.</i> Сложность и развитие	89
<i>А. Д. Кошелев.</i> На пороге эволюционно-синтетической теории языка	123
<i>А. В. Кравченко.</i> О предметной области языкознания	155
<i>В. Б. Касевич.</i> Заметки о «когниции».	173
<i>В. М. Алпатов.</i> Предшественники когнитивной лингвистики	185

II. ЯЗЫК КАК ХРАНИЛИЩЕ. СЕМАНТИКА. OFF-LINE

<i>Л. Бородицки.</i> Как языки конструируют время.	199
<i>Л. А. Янда.</i> Аспектуальные типы русского глагола: пересматривая типологию Крофта	213
<i>Е. А. Гришина.</i> Круги и колебания: семантика сложных траекторий в русской жестикуляции	238
<i>А. Д. Кошелев.</i> О референциальном подходе к лексической полисемии	287
<i>В. Эванс.</i> Концептуальная и межсловная полисемия: анализ в терминах теории лексических концептов и когнитивных моделей (ЛККМ)	350
<i>Т. Нессет, А. Б. Макарова.</i> Пространство во времени? Асимметрия предлога <i>в</i> в пространственных и временных конструкциях	388
<i>Л. М. Лещёва.</i> Когнитивная лингвистика и терминологическая двуязычная интерпретирующая лексикография	411

Т. А. Строганова, А. В. Буторина, А. Ю. Николаева, Ю. Ю. Штыров. Процессы автоматической активации и торможения моторных областей коры головного мозга при восприятии речевой информации	426
Д. Дивьяк. Исследование грамматики восприятия (на материале русского языка)	448
В. Д. Соловьев. Возможные механизмы изменения когнитивной структуры синонимических рядов	478
М. Д. Воейкова, В. В. Казаковская, Д. Н. Сатюкова. Семантика прилагательных в речи взрослых и детей.	488

III. ЯЗЫК КАК ПРОЦЕСС. КОММУНИКАЦИЯ. ON-LINE

А. Мустайоки. Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего	543
А. Ченки. Понятие динамического диапазона коммуникативных действий в теории когнитивной лингвистики	560
А. В. Кравченко. Грамматика в когнитивно-семиотическом аспекте	574
А. А. Кибрик. Когнитивный анализ дискурса: локальная структура	595
О. В. Федорова. Типология референциальных конфликтов (экспериментальные исследования)	635
В. Кемпе, М. Рукс, Л. Сварбригг. Эмоции говорящего могут влиять на порождение неоднозначности	676
О. В. Драгой, М. Б. Бергельсон, Е. В. Искра, А. К. Лауринавичюте, Е. М. Маннова, А. А. Скворцов, А. И. Статников. Сенсомоторные стереотипы в языке: данные патологии речи	697
Ш. Т. Грис. Структурный прайминг: корпусные исследования и узуальные /экземплярные подходы	721
М. Томаселло. Узуальная теория усвоения языка	755
С. Голдин-Медоу. Расширяя взгляд: как мануальная модальность помогает понять язык, обучение и познание	785
Авторы и редакторы сборника	820
Указатель языков	827
Указатель терминов	828

НА ПУТИ К ЛИНГВИСТИКЕ, ОСНОВАННОЙ НА МЫШЛЕНИИ*

У. Чейф

(Университет Калифорнии в Санта-Барбаре, США)

Язык выполняет свою главную функцию, ассоциируя мысли со звуками и, в то же время, организуя мысли таким образом, что эта ассоциация становится возможной. Следовательно, первостепенную значимость приобретает задача понять, как устроено мышление. Хотя мы проводим свою жизнь в мыслях, не очень понятно, что именно при этом происходит. Столь же неясно, как именно мышление связано с языком. Язык играет важную роль в мышлении, но мышление не исчерпывается языком. Этими проблемами занимается целый ряд дисциплин, каждая из которых может внести свой вклад. В статье рассматривается ряд лингвистических и психологических исследований и показано, как разные науки в совокупности помогают лучше понять мышление и язык.

В очень упрощенном виде современную лингвистику можно представить как состоящую из двух основных лагерей, часто обозначаемых как «формализм» и «функционализм». Внутри каждого лагеря, конечно, нет совершенно единого мнения по всем вопросам, однако большинство формалистов единодушно по крайней мере в одном: в основе языка лежит некая формальная синтаксическая система, представленная определенными правилами. Они также полагают, что одна из главных задач лингвистики — возможно, самая главная — понять природу данной системы и открыть законы, порождающие ее.

Лингвистов, которые считают подобный подход к языку ограниченным, неполноценным или ошибочным, можно назвать функционалистами, но их, помимо этого, мало что объединяет. Научные интересы этих исследователей могут лежать в области когнитивной лингвистики,

---

* *Chafe W. Toward a thought-based linguistics // Bischoff S. T., Jany C. (eds). Functional approaches to language. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. P. 107—130. Перевод статьи печатается с разрешения издательства De Gruyter. Пер. Е. А. Лукьянченко, О. В. Федоровой, А. А. Кибрика.*

антропологической лингвистики, социолингвистики, психолингвистики, прагматики, дискурсивных исследований, корпусной лингвистики, документирования языков или иных направлений. Невозможно четко определить функционализм, но его широта дает следующее преимущество: он открыт для большого круга вопросов, ведущих к более полному пониманию языка во всей его сложности¹.

1. Функция языка

Есть два подхода к изучению «функционирования» чего-либо. Первый подход — исследовать, как эта сущность используется. Машина, например, используется для того, чтобы съездить за покупками или совершить путешествие. Второй подход — исследовать, как данная сущность выполняет свою функцию: узнать, например, как к двигателю внутреннего сгорания монтируется конструкция с четырьмя колесами. Применительно к языку, задаваясь вопросом, как он используется, мы получаем наиболее обобщенный (и, как кажется, очевидный) ответ: язык позволяет одному индивиду узнать некоторые мысли другого индивида. Коротко говоря, язык — это средство коммуникации. Способность делиться мыслями с помощью языка предоставляет людям разнообразные возможности эффективного взаимодействия, недоступные другим биологическим видам.

Как же в таком случае язык делает это общение возможным? Самый обобщенный (и снова, по-видимому, самый очевидный) ответ: с помощью ассоциации мыслей со звуками, которые, в отличие от мыслей, могут передаваться по воздуху и таким образом соединять сознание одного человека с сознанием другого. Конечно, звуки могут быть представлены на письме символами, вроде тех, что вы видите сейчас перед собой, и даже могут быть заменены движениями рук, однако ассоциация мысли со звуком находилась в самом центре языка на протяжении всей его истории. В то же время эта ассоциация была бы невозможна, если бы мысли не были определенным образом организованы или структурированы. Это значит, что язык позволяет не только передавать мысли, но также придавать им определенную структуру, которая не имела бы места в отсутствие языка. В общем, ассоциация мысли со звуковой формой дает языку возможность функционировать как сложное средство коммуникации, одновременно организующее нашу мысль.

---

¹ Данная статья — это краткое изложение более обширной работы, находящейся в стадии подготовки и именуемой «Как мысли формируют язык, и наоборот» [How Thoughts Shape Language (and Vice Versa)].

2. Глядя в телескоп не с того конца

В 1982 г. шведский лингвист Пер Линелл опубликовал книгу под названием «Письменная языковая предвзятость лингвистики» [Linell 1982]. Она имела небольшой тираж и мало повлияла на тех, чей предвзятый взгляд описывала. Однако есть смысл вспомнить, как автор с настойчивостью утверждал: лингвистика в очень большой мере ориентирована на письменную форму языка. Сам термин «грамматика» произошел от греческого слова «письмо». Начиная от Панини и заканчивая современностью, лингвистика более всего интересовалась письменным языком. За предпочтительным изучением письменного языка стоит и еще более опасная ошибка: при том что язык ассоциирует мысли со звуками, наибольшая часть усилий лингвистов направлена отнюдь не на мысли, а на звуки. Да и лингвистика в целом по большей части ориентирована на звуки. И не то чтобы большинство лингвистов были фонетистами, дело не в этом, а в том, что лингвисты уделяют наибольшую часть своего внимания тем элементам языка, которые в конечном счете являются средствами организации звука.

В комиксе «Семейка Пикл»³ от 5 апреля 2009 г. главный герой Эрл, играя в шашки с другом по имени Клайд, все время повторяет слово *plinth*. Он объясняет: «Это мое слово дня. Каждый день я учу новое слово. Я читал статью в газете, что учить по одному новому слову каждый день — хорошая тренировка для ума». На что Клайд спрашивает: «А что значит *plinth*?» — «Ой, понятия не имею! В статье ничего не говорилось о том, чтобы учить значения»⁴. Лингвистика сегодня имеет менее узкий взгляд, чем Эрл, но выделение таких компонентов языка, как предложения, слова, приставки, суффиксы и т. д., началось с их звуковой стороны, а не со значения. Конечно, никто не отрицал, что слово «обладает значением». Однако такое заявление подразумевает, что значение — это нечто, прилагающееся к слову, нечто, чем слово *обладает*, а не *является*.

Лингвисты, работающие с бесписьменными языками, вероятно, замечают, как трудно научить носителей подобного языка писать на нем. Парадоксально, но первым шагом к тому, чтобы «возродить» вымирающий язык, часто становится попытка создать для него письменность. За ней стоит объяснимое желание подготовить письменные учебные материалы по этому языку, а также негласная вера в то, что языки, обладающие письменностью, наделены большим престижем и влиянием.

³ Pickles, автор Брайан Крейн (Brian Crane). (Прим. перев.)

⁴ Английское слово *plinth* означает ‘цоколь, основание’. (Прим. перев.)

Тем не менее научиться писать на языке, на котором всю жизнь только говорил, — задача непомерно тяжелая, особенно для взрослых, и имеет мало шансов на полный успех. Письмо заставляет нас обращать внимание на то, как язык *звучит*, но в отсутствие письменности наше внимание нацелено на *мысли*, которые язык передает. Перенести внимание со значения на звучание — зачастую задача новая и не из легких.

Мысли и звуки едва ли имеют равноценное значение. Язык начинается с мыслей в сознании говорящего и заканчивается их несовершенным отголоском в сознании слушающего. Звуки — это средство осуществления коммуникации, но в своем функционировании подчинены мыслям, которыми начинается и заканчивается язык. Уделять большую часть внимания звуковым элементам, только издали улавливая мысли, — это как смотреть в телескоп не с того конца. Если бы внимание лингвистов было соразмерно важности этих двух полюсов языка, на изучение мыслей приходилось бы гораздо больше времени и усилий, чем на исследование звуков.

Предпочтительное изучение звуков, конечно же, вполне объяснимо. Звуки легко наблюдать, мы понимаем их устройство относительно неплохо. Открытые физические проявления звуков делают их доступными для изучения, а современные успехи технологий электронного анализа позволяют нам исследовать их в мельчайших деталях. Мысли — вещь совершенно иная. Субъективность мыслей выводит их далеко за грань возможности публичного наблюдения, что и дает весомое преимущество звукам. Но если у мыслей есть функциональный приоритет, то по мере развития лингвистики, со всеми ее скачками к более полному пониманию языка во всей его сложности, рано или поздно наука будет вынуждена обратить взор на природу и фундаментальную роль человеческого мышления.

3. ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ МЫСЛИ?

Так как мышление и язык неразрывно связаны, язык вносит значительный вклад в наше понимание природы мыслей. Может даже возникнуть соблазн приравнять поток мыслей к потоку внутренней речи, но важно осознавать, что к языку все не сводится. Отсутствие эквивалентности между мышлением и языком можно наблюдать в разных случаях. Люди часто испытывают трудности, «облекая мысли в слова» и открыто выражая эти трудности высказываниями вроде «Не знаю, как сказать» или «Я не совсем это имел в виду». Один известный ученый убедительно описал подобный опыт:

Как мне стало ясно в результате интроспективного наблюдения, я могу думать без слов. На самом деле, очень часто я вроде бы думаю, но мне трудно выразить мысли словами. Это довольно привычное ощущение как для меня, так и, полагаю, для любого, кто пытается нечто выразить, сказать, а потом понимает — это не то, что я хотел сказать, и пытается сказать то же по-другому, может быть, подобраться немного ближе к изначальному смыслу, а затем кто-то помогает высказать эту мысль каким-нибудь третьим способом. Это довольно частое ощущение, и его трудно проинтерпретировать, не предположив, что мы думаем без языка. Вначале думаешь, а потом ищешь, как это выразить, и иногда это совсем не получается — ты просто не можешь объяснить собеседнику свою мысль [Chomsky 2000: 76].

Разрыв между мыслями и языком, кроме того, наблюдается в речевых колебаниях, фальстартах и переформулировках, которыми изобилует обиходная речь. Что интересно, и интроспекция, и речевые сбои показывают, что люди постоянно сравнивают свои мысли с их словесным выражением и другими возможными вариантами этого выражения. Очевидно, люди осуществляют мысленный мониторинг вербальных вариантов, которые могут быть использованы для организации и выражения их мыслей, взвешивают разные возможности. По отдельности осознавая свою мысль и способы ее выражения, люди могут идентифицировать и оценить различия. Дальнейшие свидетельства отсутствия эквивалентности между мыслями и их вербальным выражением появляются благодаря ситуациям, когда одна и та же мысль или сходные мысли выражены в разных случаях по-разному [Chafe 1991; 1998; 2012]. Если бы мысли были идентичны языку, их вербализация была бы куда более простой и прямолинейной задачей, чем это есть на самом деле.

До какой степени и в какой форме мысли поддаются осознанной проверке, помимо того способа, которым они были вербализованы? Определенно, внутренняя речь участвует в большей части мыслительных процессов. Так же, как и внешняя, она обладает мыслительным и звуковым компонентом. Звук языка воспринимается как слуховой образ, и есть соблазн поверить в то, что внутренняя речь сводится к слуховым образам, см. [Jackendoff 1987: 291]. Однако, как и в случае с внешней речью, слуховой компонент привязан к мыслям. То, что мы осознаем мысли и звуки независимо друг от друга, ясно благодаря хорошо знакомому ощущению, когда слово «вертится на языке». Это явление было впервые системно исследовано Роджером Брауном и Дэвидом МакНилом [Brown, McNeill 1966], а затем в ряде работ, описанных в обзоре Алана С. Брауна [Brown 1991]. Во время такой, несколько затруднительной, ситуации нам случается полностью осознавать мысль,

возможно, вместе с визуальными и иными невербальными образами или даже связанной с ней эмоцией. Мы знаем, что мысль связана с некоторым звуком, но какое-то время не можем этот звук вспомнить.

Другие мысли вовсе не связаны со звуковой формой. Примером может послужить маленький наконечник на шнурке, позволяющий легко продеть его в отверстие при шнуровании ботинка. Некоторые люди ассоциируют представление о нем со звуковой формой *aglet* ‘наконечник шнурка’, в то время как большинство из тех, кто прекрасно знаком с мыслью об этом объекте, вероятно, никогда даже не слышали это название. Это похоже на ситуацию, когда слово «вертится на языке», но в данном случае связь мысли со звуком не просто временно утрачена, а вообще никогда не существовала.

С другой стороны, независимость мыслей и звуковых образов можно показать на примере выучивания наизусть: зная, как звучит стихотворение, человек может не понимать его сути. В детстве, когда я учил песню *America the Beautiful* ‘Америка прекрасная’, я не придавал значения сочетанию *above the fruited plain* ‘над сочностью степей’⁵. Часто, работая с малознакомым языком, я осознавал слова только как звуковую оболочку (подобно слову *plinth* у Эрла), не связывая их с мыслями, которые непременно доминировали бы в сознании носителя языка. Самый большой шаг в изучении нового языка — это научиться слышать звуки и связывать их непосредственно с мыслями, не отвлекаясь на саму звуковую форму. Эти случаи иллюстрируют, что связь звука и мысли, на которой основан язык, непрочна, эта связь может быть нарушена, с одной стороны, ситуацией, когда слово «вертится на языке», и с другой — при заучивании наизусть. К сожалению, с возрастом эта связь делается только менее прочной.

Можно ли осознавать мысль в чистом виде, не сопровождаемую ни звуковыми, ни какими-либо другими образами? В том, насколько люди

---

⁵ Из песни “America the Beautiful”:

O beautiful for spacious skies,
For amber waves of grain,
For purple mountain majesties
Above the fruited plain!

Прекрасна, в вольности небес
Неся янтарь полей
И гордых гор пурпурный блеск
Над сочностью степей!

Перевод А. Сергейчука
(Прим. перев.)

способны воспринимать образы, есть некоторые различия (напр., [Poltröck, Brown 1984]), что позволяет предположить существование мысли, абсолютно лишенной образности, — эта тема привлекала значительный интерес исследователей, пока не была отброшена бихевиоризмом как не имеющая значения [Humphrey 1951]. Уильям Джеймс спрашивал людей об образах, ассоциирующихся с их кухонным столом. Он сообщает:

Один мой высокоинтеллектуальный друг отмечает, что совершенно не может представить, как выглядит его обеденный стол. Когда его спросили, что он вообще помнит о столе, он ответил, что просто «знает», что это стол на четверых, на нем белая скатерть, масленка, кофейник, редиска и тому подобное. Похоже, что мыслительная материя его «знания» состоит исключительно из вербальных образов [James 1890: 265].

Оперировал ли при этом друг Джеймса мыслью, не имеющей образа? Ответ зависит от интерпретации слов Джеймса о «вербальных образах». Джеймс, вероятно, полагал, что его друг не имел дела ни с чем, кроме звуков языка, звуковых образов. Однако интереснее предположить, что его друг осознавал мысли, не подкрепленные никакими образными элементами. Такая возможность представляет гораздо больший интерес, так как подразумевает, что другу Джеймса было достаточно внеобразных мыслей, чтобы «знать», что находится на его обеденном столе. Возможность мыслить, совершенно не полагаясь на образы, несомненно, заслуживает дальнейших исследований, особенно сейчас, после некоторого ослабления предрассудков первой части XX в.

4. Два взгляда на устройство языка

Рис. 1 иллюстрирует два конкурирующих взгляда на устройство языка. Слева приведен более популярный на данный момент взгляд: в центре модели располагается синтаксис как движущая сила семантики (организованных мыслей) и фонологии (организованных звуков). Схема справа представляет взгляд, в соответствии с которым языком управляют мысли, осознаваемые говорящим и слушающим. Главным объектом лингвистики, основанной на изучении звуковых форм, является синтаксис. Если сместить центр внимания на изучение мышления, становится ясно, что приписывание синтаксису центральной роли сильно искажает понятие об истинной природе языка.

Чтобы мысли были вербализованы говорящим, сначала они должны быть структурированы в соответствии с уникальной семантикой данного языка. Однако перед тем, как превратиться в звуки, семантические структуры, в свою очередь, должны быть преобразованы в ряде

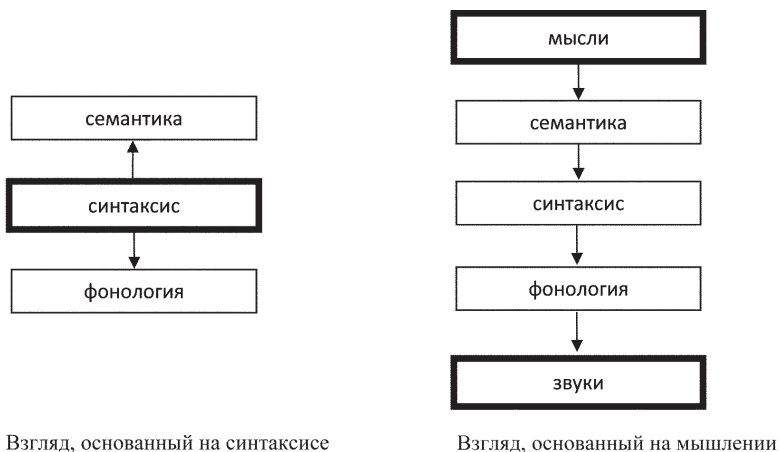

Рис. 1. Два взгляда на устройство языка

отношений, чтобы затем создать соответствующую синтаксическую структуру. Значения идиом и грамматических конструкций, приобретенные в ходе эволюции языка, вначале должны быть заменены на свои более буквальные и исторически более ранние корреляты, поскольку именно эти структуры — а не стоящая за ними семантика — находят выражения в звуках. Получившиеся в итоге «квазисемантические» структуры должны быть также организованы в линеаризованные конструкции, что диктуется линейностью звука и, вероятно, потребностью человека оперировать сравнительно небольшим количеством сочетающихся между собой паттернов. Эти процессы «буквализации», «линеаризации» и «образования паттернов» приводят в итоге к некой синтаксической структуре, которая может быть затем успешно реализована на фонологическом уровне.

Теперь допустим, что исследование структуры языка подобно восхождению на гору. Мышление — пусть это будет вершина горы — в большинстве лингвистических теорий настолько окутано туманом, что почти все ученые удовлетворяются тем, что разбивают лагерь, не доходя до нее. Работая над изучением звуков, исследователь обеими ногами стоит на твердой почве физических наблюдений, где разногласия устраняются на объективной основе. Но многие лингвисты имеют достаточно смелости, чтобы продолжать восхождение, хотя бы до уровня фонологии, позволяющей рассмотреть, как разные языки управляются со звуками. Они довольствуются этим, в то время как восхождение к уровню синтаксиса сулит бóльшие риски и рассогласования. Те, кто добрался до этого уровня, обычно склонны считать уровень синтаксиса

своей конечной целью. Есть, однако, и другие, карабкающиеся еще выше, — добираясь до семантики, они надеются получить более полную картину. На этой высоте воздух разреживается, а туман сгущается, идет больше споров о том, что же там находится, но награда манит. Мало кто настолько безрассуден, что отваживается на путь в царство мыслей, где воздух настолько разрежен, а туман густ, что кружится голова и можно безнадежно запутаться. В данной статье будет осуществлена пара вылазок в этом направлении, в надежде хоть на секунду увидеть в раздвинувшемся тумане проблеск того, что иначе увидеть нельзя.

Детали превращения мысли в звук на правой схеме рис. 1 представляют собой слишком сложную и объемную область исследований, чтобы подробно описать их в этой статье, и, конечно, в этой области предстоит еще много открытий. Здесь мы сможем лишь кратко обсудить, каким образом каждая стадия по-своему обоснована самой природой мышления, чем мышление отличается от семантических структур, почему синтаксис вступает в работу перед тем, как семантические структуры передаются дальше, в сферу фонологии, и что отличает область фонологии от самих звуков. На самом деле говорящий не проходит все эти стадии в определенном порядке в момент речи, будь то сознательно или неосознанно. Скорее, эта схема помогает *объяснить*, как так получается, что язык выражает определенную мысль определенными звуками. Объяснение в обязательном порядке включает исторические изменения, влияющие на связь мыслей и звуков. Очевидно, эти изменения как таковые не являются частью знаний говорящего, он оперирует лишь результатами изменений. Реальное осознание ограничено мыслями и звуками, а не процессами, которые связывают их воедино.

5. СТРУКТУРА МЫСЛИ

Рис. 2. Как структурированы мысли?

Как можно описывать мышление, не опираясь на какой-либо конкретный язык, используемый, чтобы выразить мысли? Мысли настолько привязаны к языку, что можно легко отчаяться, пытаться представить их по отдельности. Тем не менее, если выделить компоненты мышления, так или иначе выраженные во всех языках, возможно, получится обнаружить постоянные свойства самих мыслей, независимые

от ограничений, которые определенным образом накладывает на них система определенного языка в определенный момент времени.

Этот подход предполагает, что мысль состоит из единиц, которые можно назвать «понятиями», или «представлениями» (ideas). Это базовые единицы ментального опыта. Они включают представления о «событиях» (то, что происходит) и о «состояниях» (о том, что имеет место); эти типы представлений почти всегда сопровождаются представлениями о людях, предметах или абстракциях, которые принимают участие в этих событиях и состояниях. Последние иногда называются «референтами» или «сущностями», но здесь, вслед за Лангакером [Langacker 2008: 105], я буду называть их просто «вещами» (things). Разные лингвисты отмечали, что невозможно представить событие или состояние, не включая в него представление об одном или более его участнике — одной или более вещи (см. [Givón 2001: 53; Croft 2001: 87; Langacker 2008: 1004]). С другой стороны, вполне возможно представить вещь саму по себе, без ассоциации с тем или иным событием или состоянием.

Обращаться к примерам всегда полезно, а еще лучше, если пример взят из реального разговора. Краткая фраза в примере (1) кажется до смешного простой, но она достаточна в качестве исходной иллюстрации. В ходе некоторой беседы женщина — назовем ее Глория — фокусирует внимание на том, что она вспомнила из некой связной последовательности событий, участницей которых она являлась [Chafe 1994: 120—136]. Описываемые события произошли, когда она однажды вечером возвращалась домой с работы. Ее воспоминания об этих событиях были вызваны вопросом ее собеседника, но этот более широкий контекст здесь не важен. Мы просто замечаем, что Глория ввела тему разговора, указав на временную рамку последующих событий:

- (1) I was working late,
'я работала допоздна,'

Имея в виду сферу мышления, понятия о событиях, состояниях и их участниках могут визуализироваться и размещаться в многомерном пространстве мысли, измерения которого включают время, место, эпистемологию, эмоции, взаимодействие с собеседником (ориентацию на межличностное общение), место в текущем контексте (ориентация на текст; ср. «метафункции» Халлидея [Halliday 1985]). Событие, вербализованное в примере (1), ориентировано как *воспоминание* и как нечто *происходящее* (in progress). Далее, Глория считала что представление об этом событии еще не было активировано в сознании слушающего,

в то время как понятие о ней самой *уже* было активировано в его сознании, хотя бы потому, что она в данный момент выступала в качестве говорящего.

К тому же следует осознавать, что мысли включают одновременно как образы, так и эмоции. Образ работы допоздна, вероятно, включал для Глории перцептивные детали, недоступные ее собеседнице. Та, слушая Глорию, вполне могла сформировать свой собственный уникальный образ события. То же можно сказать об эмоциях. У Глории было, скорее всего, свое отношение к событию, а ее собеседница могла воспринять все иначе.

В общем, мысль, с которой Глория начала свой рассказ, была сосредоточена на представлении, которое она вспомнила как происшедшее. Она знакомит слушающего с событием как с чем-то новым, но представление о ней самой, как действующем лице, уже витает в воздухе. В последующих двух разделах мы увидим, как эти понятия и установки могут быть выражены — вначале семантически, а затем синтаксически.

6. ОТ МЫСЛЕЙ К СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ

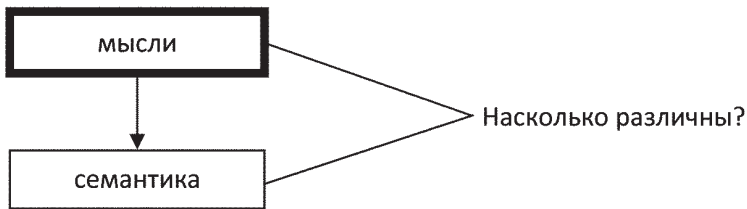

Рис. 3. Мысли vs. семантика

Каждый язык структурирует мысли в соответствии со своими собственными семантическими ресурсами, хотя структуры разных языков могут значительно перекрываться. Но как и почему семантическое структурирование отличается от самих мыслей? Стоит привести два случая из моего собственного опыта.

В начале моей работы с языком сенека я несколько раз делал аудиозапись и расшифровку речи при исполнении одного и того же обряда, при этом говорящий и слушающие каждый раз рассматривали эти записи как одну и ту же речь [Chafe 1961; Foster 1974]. Конечно, в этих записях были отрезки, в которых устойчивые формулы повторялись

дословно, но транскрипция показывала, что текст в целом варьировал от одной реализации к другой. Тех, кто исполнял обряд или воспринимал его, однако, волновала не дословность воспроизведения, а то, чтобы каждый раз прочувствовать одни и те же мысли.

Обратимся к языковому примеру другого типа. В 1970-х гг. наша группа лингвистов из Беркли сняла короткий фильм, известный как «Фильм о грушах» [Chafe (ed.) 1980]. Наша главная цель заключалась в том, чтобы понять, как разные люди, говорящие на разных языках, будут вербализовать свои воспоминания о том, что происходило в фильме. В нашем случае важно отметить, что некоторые люди выполняли это задание по несколько раз, по «методике повторного воспроизведения» Фредерика Бартлетта [Bartlett 1932: 63—94], однако устно, а не письменно, как было у Бартлетта [Chafe 1986]. Чтобы вербализовать свои мысли о мужчине, собирающем на дереве груши и не замечающем, как мальчишка ворует его груши, одна женщина три раза использовала явно разные слова для выражения похожих, если не одних и тех же мыслей [Chafe 1991]:

- (2) а. and [the boy] looks up at... at the man who's up the ladder,
 'и [мальчик] поднимает глаза на... на мужчину, стоящего на лестнице,'
 б. and the man doesn't know that the little boy is there.
 'а мужчина не знает, что там стоит мальчик.'
- (3) а. ...and ... the man is still up in the tree,
 '...и ... мужчина все еще на дереве,'
 б. ...oblivious to... to... the this boy stealing his pears.
 '...беспечный насчет... насчет... мальчика, ворующего его груши.'
- (4) а. ...but the man up in the tree,
 '...но мужчина наверху на дереве,'
 б. ...didn't notice this boy down here at all.
 '...совсем не замечает внизу мальчика.'

Записи на языке сенека, рассказы о грушах и другие наблюдения подобного рода отчетливо показывают различия между мышлением и вербализацией — каждый раз одни и те же мысли выражаются не только разными синтаксическими, но и разными семантическими структурами. Но отличаются ли семантические структуры от самих мыслей? Есть несколько причин, по которым мысль не может быть напрямую выражена звуками языка, но особенно важно следующее: невозможно приписать отдельный звук каждому отдельному представлению, имеющемуся в сознании определенного говорящего в определенный момент времени. Век назад Франц Боас писал:

Так как диапазон личного опыта, выражаемого при помощи языка, бесконечно разнообразен, и он весь должен быть выражен ограниченным количеством фонетических сочетаний, очевидно, что за любой артикулируемой речью должна стоять подробная классификация этого опыта [Boas 1911/1963: 18].

Каждый язык, разумеется, приписывает некоторое конкретное представление к некоторой *категории*, в которой она интерпретируется как проявление уже знакомых явлений. Категория позволяет ассоциировать понятие со звуком, решая проблему, поставленную Боасом, а также одновременно соотнося данное понятие с другими вхождениями этой категории. Эдвард Сепир следующим образом обосновывает потребность в категоризации, используя вместо слова «представление» (*idea*) слово «концепт» (*concept*):

Мы должны подойти к самой сути вещей, мы должны более или менее произвольно объединять и считать подобными целые массы явлений опыта для того, чтобы обеспечить себе возможность рассматривать их чисто условно, наперекор очевидности, как тождественные. Этот дом и тот дом и тысячи других сходных явлений признаются имеющими настолько много общего, невзирая на существенные и явные различия в деталях, что их оказывается возможно классифицировать под одинаковым обозначением. Иными словами, речевой элемент «дом» есть символ прежде всего не единичного восприятия и даже не представления отдельного предмета, но «значения», иначе говоря, условной оболочки мысли, охватывающей тысячи различных явлений опыта и способной охватить еще новые тысячи» [Sapir 1921: 13]⁶.

Важно упомянуть три момента. Во-первых, категоризованное представление сохраняет прямое отношение к мысли, а не ко звуку. Это важнейший пример структурирования мыслей, навязанного языком. Я буду выделять курсивом категории, имеющие статус мыслительных: Глория категоризовала свое представление о событии, которое можно обозначить как *work-late* ‘работать-допоздна’. Во-вторых, каждый язык имеет уникальный семантический набор, и среди них выделяется огромный инвентарь категорий. Этот инвентарь может в большей или меньшей степени перекрываться с аналогами в других языках, но нет двух языков, в которых он был бы совершенно одинаковым. В-третьих, для категорий вполне характерно объединять ранее самостоятельные

---

⁶ Перевод по изданию: Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Под ред. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс, 1993. С. 35. (*Прим. перев.*)

элементы в так называемые коллокации — элементы, которые так часто встречались вместе, что слились в одну семантическую единицу, как, например, *eat-breakfast* ‘завтракать’. Я буду указывать такой статус коллокаций с помощью дефиса, как в случае *work-late* ‘работать-допоздна’.

Помимо категоризованных представлений, некоторые другие представления контекстно отождествимы таким образом, что они имеют фиксированные ассоциации со звуком — например, с именем собственным или местоимением. Представление о Глории может вербализоваться различными способами: Глория, миссис Джонс и т. д. В нашем примере, выполняя роль говорящего, Глория может передать представление о себе с помощью местоимения первого лица. Таким образом, мы можем отделить *категоризацию* события при помощи *work-late* ‘работать-допоздна’ от *идентификации* его участника при помощи местоимения *I* ‘я’.

Ментальные установки этого события и его участника отражаются в соответствующих семантических характеристиках, часто имеющих традиционные лингвистические ярлыки. Так, можно сказать, что ментальная установка *воспоминание* семантически выражается *прошедшим временем*, установка *длительность* — *прогрессивом*, установка *не активированное для слушающего* рассматривается как *новое*, установка *уже активированное для слушающего* — как *данное*. Может показаться, что это не более чем разные ярлыки для элементов мысли и единственное различие состоит лишь в том, что представление о событии относится к категории *work-late* ‘работать-допоздна’, а представление о его участнике — к местоимению *I* ‘я’. Все эти семантические ярлыки, однако, являются не просто неформальными описаниями элементов мысли, а выборами из семантического репертуара английского языка.

Здесь возникает важная проблема. Параллелизм семантической структуры и мышления наталкивает на предположение, что мышление как таковое — это зеркало того, что предоставила семантика английского языка; другими словами, мышление Глории было сформировано ее словами. Эта обратная связь языка и мышления убедительно демонстрируется Дэном Слобиным [Slobin 1996] и Мелиссой Боверман [Bowerman 1996] и была обозначена термином Слобина «мышление для говорения» (*thinking for speaking*). Но как тогда быть с мышлением, которое не было организовано для последующего говорения?

Другой мой случай из жизни может пролить свет на эту проблему. В языке сенека существует четыре разных способа перевести англий-

ское местоимение *we* 'мы'. Количество включенных персон может быть два (двойственное число) или более двух (множественное). Кроме того, учитывается, включен ли слушатель (инклюзивное «мы») или нет (эксклюзивное «мы»). Я так никогда и не сумел полностью интегрировать это четырехчастное деление в мое собственное мышление, потому что мой родной язык не требует его. Пытаясь говорить на языке сенека, я часто просто использовал множественную эксклюзивную форму, и меня поправляли в тех случаях, когда было нужно, например, употребить вместо нее двойственную инклюзивную. Необходимость и автоматизм, с которым носители языка сенека проводят эти различия, предполагает наличие подобного различия и в их мышлении, независимо от того, говорят они в данный момент или нет. С другой стороны, в моем мышлении данные различия отсутствуют и требуют специального сознательного усилия. Конечно, если задать мне прямой вопрос, то я отвечу, двое нас или больше и включен ли слушающий в их число. Но я обычно не мыслю таким образом. Для носителей языка сенека, напротив, эти различия очевидно простираются за пределы мышления для говорения.

На этом фоне мы можем оглянуться на приведенные выше фрагменты «Рассказов о грушах» (2) — (4), полученные в разное время от одного и того же человека. Рассказчица интерпретирует представление о мужчине, не замечающем мальчика, используя три разные семантические категории: *не-знать*, *быть-беспечным*, *не-замечать*. Эти варианты были применены к одной и той же мысли, или почти к одной и той же. Выбор в примере (4) — это отрицание события *заметить*, в отличие от состояний *не-знать* и *быть-беспечным* в примерах (2) и (3) соответственно. Если различие событий и состояний присутствует в сфере мышления, мы видим еще один случай обратного влияния семантики на мышление. Можно сказать, что мышление зависит от того, как оно «семантизуется». Ниже мы увидим, что и синтаксис тоже может отражаться на мышлении.

7. От СЕМАНТИКИ К СИНТАКСИСУ

Почему семантические структуры не превращаются непосредственно в фонологию и звуки? Зачем нужен посредник в лице синтаксиса? Этот вопрос редко задается, но он всегда висел надо мной, в моих попытках понять язык. Как упоминалось выше, я предполагаю, что непосредственный переход от семантики к фонологии невозможен как минимум по двум причинам, а возможно, и по трем. Во-первых,

Рис. 4. Почему синтаксис?

языки подвержены значительному влиянию «лексикализации», т. е. диахроническому формированию идиом и грамматических конструкций [Chafe 2008]. Переход к звукам требует, чтобы результат этих процессов заменялся на исторически исходные варианты; этот процесс можно назвать «буквализацией». Во-вторых, звук неизбежно линейен во времени, причем в гораздо большей мере, чем семантические элементы, и поэтому неупорядоченные семантические элементы должны быть упорядочены во времени. В этом смысле мы говорим о «линеаризации». В качестве возможного третьего фактора можно назвать ограничения мыслительной обработки, которые сводят синтаксис к лишь небольшому числу сочетаемых моделей, хотя в разных языках эти модели принципиально различаются.

Например, семантически единая коллокация должна быть расширена, или «буквализована», при помощи исторически более ранних составных элементов: отдельных слов или частей слов. Возвращаясь к фразе Глории, коллокация *work-late* ‘работать-допоздна’ представлена в синтаксической структуре словами *work* ‘работать’ и *late* ‘поздно’, расположенных именно в таком порядке и предваренных подлежащим *I* ‘я’.

Более сложной будет буквализация установки *прогрессив* в составную конструкцию продолженного времени (*be...-ing*), которая отражает несколько уровней исторических изменений английского языка. Их история обсуждается в «Грамматике среднеанглийского языка» Тауно Мустанойя [Mustanoja 1960]. В древнеанглийском языке было две конструкции: причастие, оканчивающееся на *end* [Nickel 1966], и герундий, оканчивающийся на *ing* и предваряемый предлогом *on*. В XIII в. *end* и *ing* слились в одну конструкцию, и различия между ними стерлись. Позже *on* сократилось до *a*, как в сочетании *he was a-coming* ‘он приходил’. Когда это употребление устарело, в английском

языке осталась форма *he was coming* ‘он приходил’ и соответствующий способ вербализации семантического элемента *прогрессив*.

Исследователи идиом отмечали, что люди часто осознают буквальное значение идиом (например, см. [Gibbs 1994]); это явление я обозначал как «теневые значения» (*shadow meanings*) [Chafe 2008: 265]. Идиома *spill the beans* (букв.: ‘просыпать бобы’) давно является излюбленным примером. Она означает ‘преждевременно выдать секрет’, но в тот момент, когда это представление находится на переднем плане сознания, человек может в то же время мысленно видеть просыпавшиеся бобы, в том числе их сорт, контейнер, из которого они высыпались, и направление, в котором они просыпались [Lakoff 1980]. В нашем примере, если бы Глория вербализовала свою мысль не в виде выражения *I was working late*, а в виде идиоматического аналога *I was burning the midnight oil* (‘я работала допоздна’, букв.: ‘я жгла полуночное масло’), можно было бы ощутить теневой образ керосиновой лампы, горящей в ночи. Присутствие и природа теневого значения может варьировать от человека к человеку, и, конечно, керосиновые лампы раньше были гораздо более распространены; однако суть состоит в том, что синтаксические элементы обладают потенциальным влиянием на мысли через обратную связь.

В выражении Глории *I was working late* ‘я работала допоздна’ глагол-связка *was* ‘был(а)’ объединяет выражение семантической установки *прошедшее время* и согласования с подлежащим первого лица. Менее очевидна тесная связь глагола-связки с предшествующим словом в словосочетании *I was* ‘я был(а)’; однако это более наглядно в случае *I'm working late* ‘я работаю сверхурочно’, т. е. при сокращении *I am* до *I'm*. Результат — синтаксическая последовательность слов и частей слова на рис. 5, включающая соответствующую структуру составляющих.

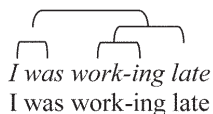

Рис. 5. Синтаксическая репрезентация

Рис. 5 вызывает еще один интересный вопрос. В какой именно момент при поэтапном переходе от мыслей к звукам мыслительные элементы начинают напрямую символизироваться звуковыми элементами? Как мы уже ранее обсуждали на примере явления «вертится на кончике языка», мозг хорошо распознает различия между мысли-

тельными и звуковыми элементами. При превращении мыслей через уровень семантики в синтаксические структуры становится доступным прямое обращение к звуковым символам; таким образом, синтаксис можно представить в виде двуликого Януса, одно из лиц которого смотрит в сторону мышления, а другое — в сторону звуков. Элементы, представленные на рис. 5, принадлежат обоим направлениям: мыслительные элементы выделены курсивом, звуковые элементы оставлены невыделенными. В комиксе «Семейка Пиклов», описанном в разделе 2, Эрл повторяет звуковую форму *plinth*, не зная значения *plinth*.

8. От синтаксиса к фонологии и звукам

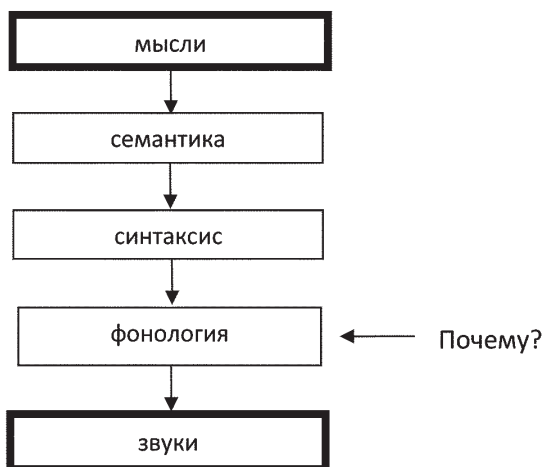
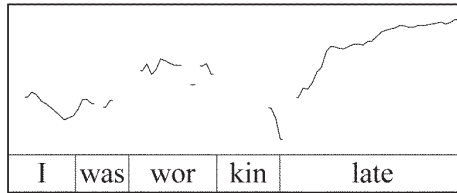

Рис. 6. От синтаксиса к звукам

Наконец, мы можем спросить, почему между звуковой оболочкой синтаксиса и звуками как таковыми следует выделять промежуточную стадию фонологии. В этом случае ответ также стоит искать в области языковых изменений. Рассмотрим пример, когда Глория произносит слово *working* как *workin*. В этом менее элегантном и более обыденном разговорном регистре английского языка происходит фонологическое изменение от *ng* к *n*. Это пример актуального изменения языка, которое хорошо формулируется при помощи различия между фонологией и звуками как таковыми.

На этот результат накладывается определенная просодическая структура, на которую влияет межличностная ориентация собеседников

относительно данности/новизны, в сочетании с ориентацией текста на продолжение. Языковое выражение из примера (1) было произнесено с нарастающим выделением и с восходящей интонацией и удлинением в конце. На рис. 7 показан результирующий интонационный контур высказывания с отмеченной частотой основного тона, также показана возможная транскрипция.

I was WOR-kin LATE ↗

Рис. 7. Добавление просодии

9. МЫШЛЕНИЕ И ЯЗЫК КАК НЕПРЕРЫВНЫЙ ПОТОК

Предложенная интерпретация простого английского выражения через призму мышления направлена на более полное понимание связи между мыслями и звуками. Можно добавить еще несколько соображений. Прежде всего отмечу, что синтаксические структуры обычно изображаются как изолированные и искусственно созданные образцы языка, лишенные всякого контекста. Хотя формат статьи позволяет подробно рассмотреть лишь один короткий пример, я попытался описать его как часть непрерывного потока мыслей и языка. В более детальном исследовании следовало бы представить сам этот поток, что невозможно сделать с помощью изолированных древесных диаграмм, ограниченных двумя измерениями и небольшим пространством. Современные технологии предоставляют возможность более детальных репрезентаций, к тому же отражающих постоянные изменения. Это можно сравнить с музыкальной партитурой, в которой постоянно изменяющийся, многомерный звук представлен на разных нотных станах, не ограниченных одной страницей. Еще лучше то, что компьютерные репрезентации не обязательно привязаны к каким-либо страницам вообще. Можно надеяться, что со временем представление потока мыслей и языка станет полнее и реалистичнее.

10. ВЛИЯЕТ ЛИ ЯЗЫК НА МЫШЛЕНИЕ?

Вопрос о том, думают ли носители разных языков по-разному, восходит как минимум к трудам таких немецких ученых, как Иоганн Готтфрид фон Гердер, Вильгельм фон Гумбольдт, Хейманн Штейнталь. Он был вновь выведен на передний план в трудах Бенджамина Ли Уорфа с 1927 по 1941 г. [Whorf 1956]. И в настоящее время ученые продолжают решать этот вопрос по-разному, причем весьма категорично. Те, кто убежден, что Уорф заблуждался, часто выражают мнения эмоционально и с личными выпадами. Джеффри Пуллум описывал Уорфа как «коннектикутского инспектора противопожарной безопасности, развлекавшегося по выходным языкознанием» [Pullum 1991: 163], а Питер Сёрен писал о «лингвисте-любителе и возрастном студенте, слушавшем курсы Сепира в Йельском университете и одно время популярном среди влиятельных кругов американской антропологии» [Seuren 1998: 189]. Стивен Пинкер написал, что предположение Уорфа «неверно, в корне неверно! Идея о том, что мышление — это то же самое, что язык, является примером широко распространенного абсурда: это утверждение идет вразрез со здравым смыслом, но все верят, потому что смутно вспоминают, что где-то подобное уже слышали, и потому что из этого можно сделать много разных выводов» [Pinker 1994: 56—57].

В контексте данной статьи Б. Уорф рассматривается как предтеча идеи о связи языка и мышления. Если иногда он заходил слишком далеко, то это не удивительно и не относится к делу. Нужно подчеркнуть, что недопонимание учеными связи языка и мышления — широко распространенное явление и часто носит преднамеренный характер. Предположить, что язык влияет на мышление, — это не то же самое, что сказать «мышление — это то же самое, что язык», как в цитате Пинкера. В разделе 3 выше мы рассмотрели ряд очевидных оснований для разграничения этих двух понятий.

Особенно вводит в заблуждение такая переформулировка вопроса: «Могут ли различия в мышлении... быть обусловлены различиями грамматического строя языка?» [Jackendoff 1994: 186]. Если принять предложенный в настоящей статье взгляд на язык, станет ясно, что вопрос состоит в характере связи между мышлением и *семантическими*, а не *синтаксическими* (грамматическими) структурами языка. Последние по своей природе — по определению — не могут напрямую взаимодействовать с мышлением. Мы видели, как лексикализация и линеаризация искажают синтаксические структуры, увеличивая расстояние

между ними и мышлением. Бесполезно спрашивать, влияют ли *синтаксические* структуры языка на мышление. С другой стороны, если спрашивать, различны ли *семантические* системы разных языков, то очевидно, что они различны. Никто не сомневается, что разные языки организуют *звуки по-разному*; кажется вполне естественным, что они еще больше различаются в организации *мыслей*, несмотря на существующие общие черты.

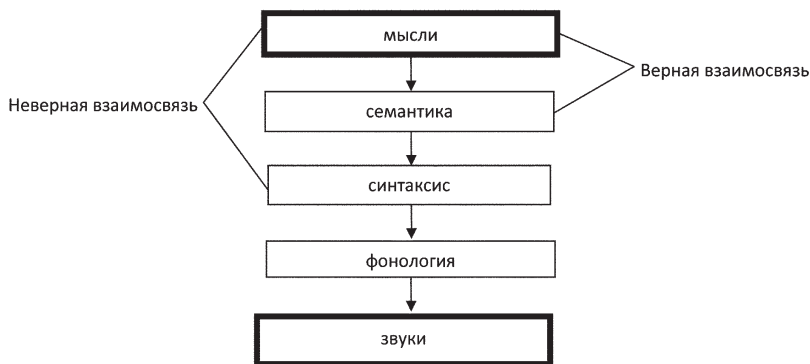

Рис. 8. В чем язык связан с мышлением и в чем не связан

Если люди по-разному мыслят, говоря на разных языках (слобировское «мышление для говорения»), остается открытым вопрос, насколько все мышление, а не только его вербальный компонент, подвергается влиянию различных семантических ресурсов разных языков. Если важный компонент мышления — внутренняя речь — является вербальным, то, несомненно, многие его аспекты не могут избежать влияния языковых различий. Другие — невербальные — аспекты мышления, скажем образные или эмоциональные, могут быть более свободны и формироваться самостоятельно, вне зависимости от конкретного языка. По всей вероятности, влияние вербализованного мышления на мышление в целом отличается в разных ситуациях, у разных людей и в разных культурах; в каких-то культурах может быть более распространено вербальное мышление, в других — наоборот, невербальное. Язык непременно влияет на то, как мы думаем, когда говорим вслух и когда разговариваем сами с собой, но это только часть более общей картины.

В вышесказанном читается намек на распределение универсального и конкретно-языкового на разных стадиях порождения речи. Так как синтаксис — продукт исключительно конкретных, частно-языковых

диахронических изменений (лексикализации, линеаризации, формирования паттернов), очевидно, что именно здесь нам и следует ожидать наибольших различий между языками. Парадоксальным образом, именно в этом месте многие пытались обнаружить «универсальную грамматику». Несомненно, при таких поисках надо в первую очередь смотреть в сторону семантики. Хотя и в семантических структурах различных языков есть серьезные различия, они многократно увеличиваются в области синтаксиса. В конечном счете можно предположить, что больше всего носители разных языков сходятся между собой на уровне мышления. Хотя различные семантические структуры, несомненно, оказывают обратное влияние на мышление, это лишь обратное влияние, и оно происходит лишь тогда, когда человек осуществляет эксплицитную или имплицитную вербализацию. Что касается универсалий, они должны в наибольшей мере присутствовать в мышлении, несколько в меньшей степени — в семантике и в намного меньшей — в синтаксисе.

11. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ СБЛИЖЕНИЕ

Представляется, наконец, что мышление — это та область, в которую науки, смежные с лингвистикой, могут внести наибольший вклад. Семантика, синтаксис и фонология являются первичными предметами исследований лингвистов, в то время как мышление само по себе располагает к междисциплинарной конвергенции, как показано на рис. 9.

В целях простой и понятной иллюстрации междисциплинарного сближения можно рассмотреть вопрос о том, как мышление справляется с небольшим количеством вещей. Начнем с интроспекции. Взглянув на рис. 10, мы немедленно, точно и без колебаний определяем, что левый квадрат содержит три улыбающиеся физиономии. Мы также можем установить, что в правом квадрате таких же физиономий одиннадцать штук, однако для этого их придется пересчитать. Это две совершенно разные эмпирические ситуации.

На фоне этих интроспективных наблюдений мы можем обратиться к лингвистической типологии, и в частности к подробному труду Гревилла Корбетта [Corbett 2000], посвященному категории числа. Языки делятся на те, в которых категория числа является необязательной или вообще не используется, на те, которые различают единственное и множественное числа, единственное, двойственное и множественное числа, а также единственное, двойственное, тройственное

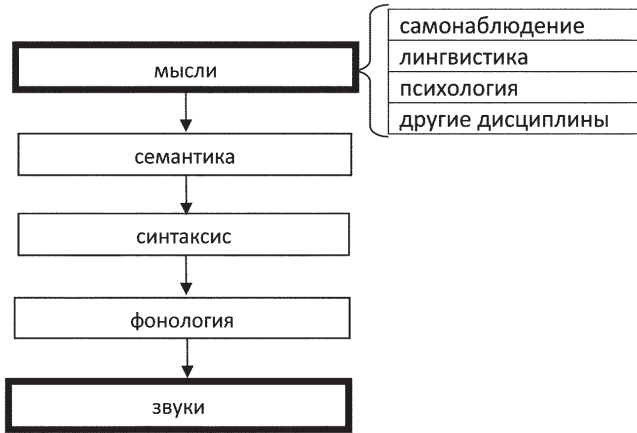

Рис. 9. Мышление как область междисциплинарного сближения

и множественное числа. Корбетт исследовал вопрос о четверном числе в некоторых австронезийских языках и сделал вывод, что данные формы обозначают не точное количество 'четыре', а, скорее, понятие 'несколько', т. е. являются паукальными.

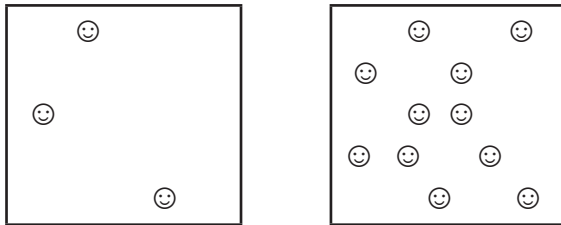

Рис. 10. Улыбающиеся лица

Стоит задуматься, отвечает ли человеческим потребностям такой способ выражения небольшого количества. Человек действительно часто должен думать и вести себя по-разному в зависимости от того, имеет он дело с одной, двумя или тремя вещами, в то время как редко приходится мысленно или поведенчески отличать двадцать шесть вещей от двадцати семи. Числу *два* часто придается большое значение, и это отражает широкий круг обстоятельств реального мира, для которых это число характерно: симметрия человеческого тела (два глаза, две руки и т. д.), устойчивость двусторонних отношений в обществе (мужчины и женщины, родители и дети, демократы и республиканцы), и более абстрактные оппозиции, такие как добро и зло, большое

и маленькое. Что касается числа *три*, то его значимость для фольклора и музыки обсуждается в работе [Dundes 1980], для музыки — в работе [Rozin et al. 2006].

Наблюдение о том, что мозг обрабатывает маленькие числа не так, как все остальные, интригует психологов с XIX в. У. Стенли Джевонс [Jevons 1871] писал в 1871 г. в журнале *Nature* о своих 1017 попытках закинуть несколько черных бобов в белую коробку так, чтобы там оказалось от одной до пятнадцати штук. Каждый раз он сразу догадывался, сколько бобов в коробке, если их было не более четырех, но начиная с пяти он начинал временами ошибаться. Несколько позже, уже работая с двумя испытуемыми на более сложном материале, Ховард К. Уоррен заключил, что, «за исключением случаев особенного напряжения внимания, а также за исключением особо одаренных людей, функция перцептивного счета [как он ее назвал] ограничена количеством от одного до трех» [Warren 1897: 589]. Термин «субитировать» (мгновенно оценивать количество) был введен для этого явления в 1940-х гг. психологами колледжа Маунт-Холиоук [Kaufman et al. 1949]. Субитация и счет опираются на совершенно разные ментальные процессы, и некоторые психологи пытались описать эти процессы и понять их связь с более общими умственными способностями. Полезный обзор таких исследований представлен в работах [Trick, Pylyshyn 1993; 1994].

Ранее мы видели, как определенная мысль интерпретируется в качестве реализации семантической категории, тем самым получая звуковую форму слова и в то же время ассоциируя мысль с другими представителями этой же категории. Мы можем интерпретировать наше представление о конкретном животном как представителе категории, что позволяет нам связать его по-английски со звуком *dog* ‘собака’, при этом формируя ожидания, что это животное способно лаять, гоняться за белками и быть хорошим домашним питомцем. Предположим далее, что в нашем мышлении имеются категории двойственности и тройственности, которые позволяют интерпретировать группы объектов как представителей этих категорий. Категоризация, иными словами, может относиться к обоим примерам на рис. 11: слева — представитель категории *собака*, справа — представитель категории *тройственность*. Последнее, конечно, не обязательно ведет к эксплицитному маркированию тройственного числа, но в любом случае делает данную категорию непосредственным инструментом организации мышления.

Если мы оперируем небольшими числовыми категориями, почему они должны быть ограничены количеством два или три? Может ли

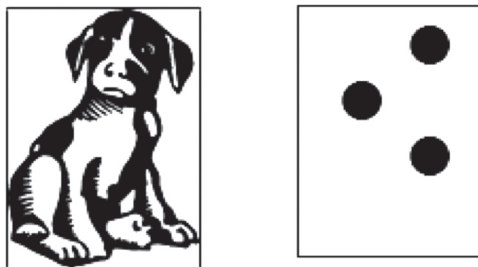

Рис. 11. Примеры категорий *собака* и *тройственность*

в каком-то языке быть категория *семнадцатеричности*, которая предполагает мгновенное опознание такого количества предметов? Такая категория, конечно, кажется маловероятной, и она может считаться вообще нереальной в связи с ограничениями объема фокусного сознания — ограничениями, которые очень далеки от предъявления семнадцати различных объектов. Если бы такое число объектов было вообще категоризовано, то тогда уже с точки зрения текстуры.

Этот сравнительно простой пример показывает, как интроспекция может быть подтверждена данными лингвистики и психологии, приводя нас к более полному пониманию часто встречающегося и легко наблюдаемого ментального феномена. Интроспекция сама по себе наводит на размышления и даже может играть определяющую роль, но всегда лучше, когда она подкрепляется систематически собранными и публично наблюдаемыми данными. В итоге все эти и дальнейшие наблюдения нуждаются в том, чтобы быть включенными в общую теорию ментальной обработки. Лингвистика показывает, каким образом такие явления влияют на языковую организацию мышления, в то время как психология имеет целью выявить их природу и обобщить до более крупных ментальных процессов.

Мы можем только сожалеть, что лингвисты-типологи незнакомы с исследованиями по субитации, а тесная связь последней с маркированием числа в языках мира не приходит в голову психологам. Похожее положение дел имеется и с маркированием времени в языке, с одной стороны, и с психологией памяти — с другой, но это уже тема для особого обсуждения. Подобные возможные сближения представляют собой широкое поле для исследований. Очевидно, что есть бесчисленные аспекты человеческого опыта, проявляющиеся как в мышлении, так и в языке. Их неизмеримо лучшему пониманию могут способствовать объяснения, основанные на сближении разнообразных данных в интересах более глубокого анализа.

12. РЕЗЮМЕ

Мы начали с очевидного наблюдения, что язык позволяет одному человеку знать, о чем думает другой, — функция, осуществляемая за счет 1) ассоциирования мыслей и звуков и 2) организации этих мыслей. Есть несколько наблюдений, которые четко разграничивают мышление и язык: случаи, когда трудно «выразить мысли в словах», речевые сбои и различные вербализации одной и той же мысли в разных случаях. Внутренняя речь, часто ассоциируемая с мышлением, имеет компоненты, основанные на звуках и основанные на мыслях, и независимость последних от первых хорошо демонстрируется ситуациями типа «слово вертится на кончике языка», при которых обычная прямая связь между мыслью и звуком вдруг пропадает.

Процесс ассоциирования мыслей со звуками последовательно проходит через стадии семантического, синтаксического и фонологического структурирования, в результате чего достигается конечный результат в виде звуков. Как было показано, сами мысли организуются в виде представлений о событиях, состояниях и их участниках, имеющих ориентацию во времени, пространстве, эпистемологии, эмоциях, социальном взаимодействии и контексте. Каждый язык структурирует мысли при помощи своих собственных семантических ресурсов, включая категоризацию тех или иных представлений и выбор конкретно-языковых установок. Потребность в отдельной синтаксической стадии обусловлена отчасти историческими процессами лексикализации и грамматикализации, отчасти линейной организацией, навязываемой звуковой системой, а кроме того, вероятно, общей потребностью человека оперировать ограниченным количеством комбинаторных паттернов. Последующая стадия фонологии, также являющаяся результатом языковых изменений, служит последним звеном взаимосвязи со звуками.

Было показано, что известная полемика вокруг популяризированных Бенджамином Ли Уорфом идей идет не туда, так как фокусируется на соотношении мыслей и *синтаксиса*, в то время как вопрос должен стоять о соотношении мыслей и *семантики*. Повышенное внимание к синтаксическим универсалиям также вводит в заблуждение, учитывая, что именно в области синтаксиса межъязыковые различия особенно велики. На самом деле, продуктивнее всего вести поиск универсалий в области мышления. Наконец, как я пытался показать, мышление — это область, в которой соседние с лингвистикой науки могут внести наибольший вклад, что было проиллюстри-

ровано на примере языковых средств маркирования малых количеств и их отражения в психологических исследованиях субитации — двух проявлений единого ментального феномена.

ЛИТЕРАТУРА

- Bartlett 1932 — *Bartlett F. C.* Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1932.
- Boas 1911/1963 — *Boas F.* Handbook of American Indian languages // Smithsonian Institution, Bureau of American ethnology. Bulletin 40. Part 1. 1911/1963.
- Bowerman 1996 — *Bowerman M.* The Origins of children's spatial semantic categories: Cognitive versus linguistic determinants // *Gumperz J. J., Levinson S. C.* (eds). Rethinking linguistic relativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 145—176.
- Brown A. 1991 — *Brown A. S.* A review of the tip-of-the-tongue experience // Psychological Bulletin. 1991. Vol. 109. P. 204—223.
- Brown, McNeill 1966 — *Brown R., McNeill D.* The “tip of the tongue” phenomenon // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1966. Vol. 5. P. 325—337.
- Chafe 1961 — *Chafe W.* Seneca thanksgiving rituals // Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology. Bulletin 183. 1961.
- Chafe 1986 — *Chafe W.* Beyond bartlett: narratives and remembering // *Gülich E., Quasthoff U.* (eds). Narrative analysis: An interdisciplinary dialogue. Special issue of poetics. 1986. Vol. 15. P. 139—151.
- Chafe 1991 — *Chafe W.* Repeated verbalizations as evidence for the organization of knowledge // *Bahner W., Schildt J., Viehweger D.* (eds). Proceedings of the fourteenth international congress of linguists, Berlin 1987. Berlin: Akademie-Verlag, 1991. P. 57—68.
- Chafe 1994 — *Chafe W.* Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago: The University of Chicago Press, 1994.
- Chafe 1998 — *Chafe W.* Things we can learn from repeated tellings of the same experience // Narrative Inquiry. 1998. Vol. 8. P. 269—285.
- Chafe 2008 — *Chafe W.* Syntax as a repository of historical relics // *Bergs A., Diewald G.* (eds). Constructions and language change. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. P. 259—266.
- Chafe 2012 — *Chafe W.* From thoughts to sounds // *Gee J. P., Handford M.* (eds). Routledge handbook of discourse analysis. London; N. Y.: Routledge, 2012. P. 357—365.
- Chafe (ed.) 1980 — *Chafe W.* (ed.). The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. Norwood (NJ): Ablex, 1980.
- Chomsky 2000 — *Chomsky N.* The architecture of language. N. Y.: Oxford University Press, 2000.

- Corbett 2000 — *Corbett G.* Number. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2000.
- Croft 2001 — *Croft W.* Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2001.
- Dundes 1980 — *Dundes A.* The number three in american culture // *Dundes A.* Interpreting folklore. Bloomington (IN): Indiana University Press, 1980. P. 134—159.
- Foster 1974 — *Foster M. K.* From the Earth to beyond the sky: an ethnographic approach to four longhouse Iroquois speech events // National Museum of Man Mercury Series. Canadian Ethnology Service Paper № 20. Ottawa: National Museums of Canada, 1974.
- Gibbs 1994 — *Gibbs R. W., Jr.* The poetics of mind: Figurative thought, language, and understanding. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Givón 2001 — *Givón T.* Syntax: An introduction. Vól. 1. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Halliday 1985 — *Halliday M. A. K.* An introduction to functional grammar. London: Edward Arnold, 1985.
- Humphrey 1951 — *Humphrey G.* Thinking: An introduction to its experimental psychology. London: Methuen, 1951.
- Jackendoff 1987 — *Jackendoff R.* Consciousness and the computational mind. Cambridge (MA): MIT Press, 1987.
- Jackendoff 1994 — *Jackendoff R.* Patterns in the mind: Language and human nature. N. Y.: Basic Books, 1994.
- James 1890 — *James W.* The principles of psychology. N. Y.: Henry Holt, 1890.
- Jevons 1871 — *Jevons S. W.* The power of numerical discrimination // *Nature*. 1871. Vol. 3. P. 281—282.
- Kaufman et al. 1949 — *Kaufman E. L., Lord M. W., Reese T. W., Völkman J.* The discrimination of visual number // *American Journal of Psychology*. 1949. Vol. 62. P. 498—525.
- Lakoff 1980 — *Lakoff G.* Getting the whole picture: The role of mental images in semantics and pragmatics // *Proceedings of the Sixth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1980. P. 191—195.
- Langacker 2008 — *Langacker R. W.* Cognitive grammar: A basic introduction. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2008.
- Linell 1982 — *Linell P.* The written language bias in linguistics // *Studies in communication 2*. Department of Communication Studies. University of Linköping. Linköping, 1982.
- Mustanoja 1960 — *Mustanoja T. F.* A Middle English grammar. Part 1. Parts of speech. Helsinki: Société Néophilologique, 1960.
- Nickel 1966 — *Nickel G.* Die Expanded Form im Altenglischen: Vorkommen, Funktion und Herkunft der Umschreibung *beon / wean* + Partizip Präsens. Neumünster: Karl Wachholtz, 1966.
- Pinker 1994 — *Pinker S.* The language instinct. William Morrow, 1994.

- Poltrock, Brown 1984 — *Poltrock S. E., Brown P.* Individual differences in visual imagery and spatial ability // *Intelligence*. 1984. Vol. 8. P. 93—138.
- Pullum 1991 — *Pullum G.* The great Eskimo vocabulary hoax and other irreverent essays on the study of language. Chicago: The University of Chicago Press, 1991.
- Rozin et al. 2006 — *Rozin P., Rozin A., Appel B., Wachtel Ch.* Documenting and explaining the common AAB pattern in music and humor: Establishing and breaking expectations // *Emotion*. 2006. Vol. 6. P. 349—355.
- Sapir 1921 — *Sapir E.* Language: an introduction to the study of speech. N. Y.: Harcourt, Brace, 1921.
- Seuren 1998 — *Seuren P. A. M.* Western linguistics: An historical introduction. Oxford: Blackwell, 1998.
- Slobin 1996 — *Slobin D. I.* From “thought and language” to “thinking for speaking” // *Gumperz J. J., Levinson S. C.* (eds). Rethinking linguistic relativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 70—96.
- Trick, Pylyshyn 1993 — *Trick L. M., Pylyshyn Z. W.* What enumeration studies can show us about spatial attention: Evidence for limited capacity preattentive processing // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1993. Vol. 19. P. 331—351.
- Trick, Pylyshyn 1994 — *Trick L. M., Pylyshyn Z. W.* Why are small and large numbers enumerated differently? A limited-capacity preattentive stage in vision // *Psychological Review*. 1994. Vol. 101. P. 80—102.
- Warren 1897 — *Warren H. C.* The reaction time of counting // *Psychological Review*. 1897. Vol. 4. P. 569—591.
- Whorf 1956 — *Whorf B. L.* Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf // *Carroll J. B.* (ed.). Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge (MA): MIT Press, 1956.